

на правах рукописи

КУДРИН ЕГОР ИВАНОВИЧ

**НАДЗИРАТЕЛЬНИЦЫ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЕЙ:
СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история
(Новая и новейшая история)

АВТОРЕФЕРАТ

Диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Екатеринбург – 2016

Работа выполнена в ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» на кафедре новой и новейшей истории

Научный руководитель **доктор исторических наук, доцент**

Баранов Николай Николаевич

Официальные оппоненты: Ермаков Александр Михайлович, доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», проректор по учебной работе (заочное отделение).

Корнева Лидия Николаевна, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений.

Ведущая организация: ФГБУН Институт всеобщей истории РАН

Защита состоится «11» октября 2016 г. в 12:00 на заседании диссертационного совета Д 212.285.16 на базе ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000 г. Екатеринбург, пр. Ленина 51, зал диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», <http://lib.urfu.ru/mod/data/view.php?d=51&rid=258433>

Автореферат разослан «__» _____ 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент
Шаманаев Андрей Васильевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

С момента краха «тысячелетнего рейха» в научном сообществе не утихают споры относительно социального измерения феномена взаимообусловленности тоталитарного государства и немецкого общества, взаимоотношений между ними, в том числе, имевших отпечаток явно преступного характера. До сих пор социальный феномен тоталитарного государства чаще всего представляется односторонне, сводясь к дихотомии: «нация-жертва» и «нация-преступник»¹.

Доступ к новым документам, развитие современных методов исследования позволяет историкам открывать новые горизонты. Актуальным является вопрос о роли женщины и о роли полов и/или гендеров (т.е. социальных полов)² в историческом процессе, в том числе государственной официальной политике геноцида по идеологическим или расовым мотивам. Последние четко прослеживаются в истории нацистской Германии. Тем не менее, авторы не ограничиваются исключительно периодом национал-социализма в Германии, а комплексно подходят к вопросу, в том числе, в связи с событиями в других регионах мира³.

Помимо научного интереса изучение национал-социализма носит значительный практический общественно-просветительный характер, который обуславливается сохраняющимися проявлениями антисемитизма и праворадикального экстремизма, а также попытками пересмотра причин, непосредственных предпосылок, хода и результатов второй мировой войны, решений международного военного трибунала в Нюрнберге и самой сущности немецкого национал-социализма.

---

¹ См.: *Борозняк А.И.* Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. М., 2014. 351 с., *Кёниг Х.* Будущее прошлого: Национал-социализм в политическом сознании ФРГ. М., 2012. 164 с.

² См.: *Jones A.* Gender and genocide // *The Historiography of Genocide*. Ed. by D. Stone. NY., 2008. P. 228–252.

³ *Jones A.* Gender and Genocide, *Smith R. W.* Women and Genocide: Notes on an Unwritten History // *Holocaust and Genocide Studies*. Vol 8. No 3. Winter 1994. P. 315–334.

Историография проблемы.

Только в 1990–2000-е гг. надзирательницы нацистских концлагерей впервые попадают в поле зрения зарубежных авторов, специализировавшихся, главным образом, на социальной истории нацистской Германии⁴. Исследователей интересуют пути женщин в систему концлагерей в качестве надзирательниц, их профессиональная подготовка, место в структуре лагерной иерархии, жилищно-бытовые условия, а также поведенческие модели в отношении заключенных, коррупция и должностные злоупотребления.

В рамках концепции «изучения преступников» (*Täterforschung*) был издан ряд работ о надзирательницах, в которых исследователи обратились к изучению персоналий надзирательниц, демонстрируя, насколько «обычны» были эти женщины. Историки Д. Браун, И. Дублон-Кнебель, Ю. Дюстерберг, А. Эббингхауз, И. Хайке реконструировали биографии бывших надзирательниц, обращаясь к их долагерному опыту с тем, чтобы осмыслить личные мотивы и пути женщин на службу в концлагеря, а также их поведение⁵. Авторы доказывают, что зачастую идеологические мотивы не

⁴ *Eschebach I.* SS-Aufseherinnen des Frauenkonzentrationslagers Ravensbrück. Erinnerungen ehemaliger Häftlinge // Werkstatt Geschichte. № 13. 1996. S. 39–48, *Hördler S.* Die Schlussphase des Konzentrationslagers Ravensbrück. Personalpolitik und Vernichtung // Zeitschrift für Geschichtswissenschaften. № 56. 2008. S. 222–248, *Hördler S., Jacobeit S.* Dokumentations- und Gedenkort KZ Lichtenburg. Konzeption einer neuen Dauerausstellung für Werkstattgebäude und Bunker. Münster, 2009. 380 S., *Hördler S.* Before the Holocaust: Concentration Camp Lichtenburg and the Evolution of the Nazi Camp System // Holocaust and Genocide Studies 25, No. 17 Spring 2011. P. 100–126, *Oppel S.* Die Rolle der Arbeitsämter bei der Rekrutierung von SS-Aufseherinnen. Fribourg/Breisgau, 2006. 111 S., *Orth K.* Die Konzentrationslager-SS. Göttingen, 2004. 396 S., *Orth K.* Die Konzentrationslager-SS. Sozialstrukturelle Analysen und biographische Studien. Göttingen, 2000. 332 S., *Orth K.* The Concentration Camp Personnel // Concentration Camps in Nazi Germany: the New Histories. NY, 2010. P. 44–57, *Schwarz G.* SS Aufseherinnen in nationalsozialistischen Konzentrationslagern (1933-1945) // Dachauer Hefte. 1994. № 10. S. 32–49, *Strebel B.* Das KZ Ravensbrück. Geschichte eines Lagerkomplexes. Paderborn, 2003. 615 S.

⁵ *Brown D.P.* The Beautiful Beast: The Life and Crimes of SS-Aufseherin Irma Grese. Ventura, 1996. 107 p., *Dublon-Knebel I.* „Erinnern kann ich mich nur an eine Frau Danz...“ Die Aufseherin Luise Danz in der Erinnerung ihrer Opfer // Im Gefolge der SS: Aufseherinnen des Frauen-KZ Ravensbrück. Berlin, 2007. S. 299–315, *Düsterberg J.* Von der „Umkehr aller Weiblichkeit“. Charakterbilder einer KZ Aufseherin // Gedächtnis und Geschlecht. Deutungsmuster in Darstellungen des nationalsozialistischen Genozids. Frankfurt/Main, 2002. S. 227–243, *Heike I.* Female Concentration Camp Guards as Perpetrators: Three Case Studies // Ordinary people as mass murderers: perpetrators in comparative perspectives. NY., 2008. P. 120–144, *Heike I.* Johanna Langefeld—Die Biographie einer KZ-Oberaufseherin // Werkstatt Geschichte, 12. 1995. S. 7–19, *Müller-Münch I.* Die Frauen von Majdanek. Vom zerstörten Leben der Opfer und der Mörderinnen, Reinbek, 1982. 183 S., *Müller M.* Die Oberaufseherin Maria Mandl. Werdegang, Dienstpraxis und Selbstdarstellung nach Kriegsende // Im Gefolge der SS. S. 48–58, *Oppel S.* Marianne Eßmann: Von der Kontoristin zur SS-Aufseherin. Dienstverpflichtung als Zwangsmaßnahme? // Im Gefolge der SS. S. 81–88, *Schwartz J.* Das Selbstverständnis Johanna Langefelds als SS-Oberaufseherin // Tatort KZ, Neue Beiträge zur Geschichte der Konzentrationslager. Ulm, Klemm & Oelschläger, 2003, S. 71–95, *Schwartz J.* Handlungsräume einer KZ-Aufseherin. Dorothea Binz - Leiterin des Zellenbaus und

играли решающей роли в поведении надзирательниц. На первый план выходили инициативность и амбиции, обуславливавшие, в свою очередь, энтузиазм и изобретательность женщин в выполнении конкретных задач⁶.

Не остались в стороне от данной темы представители научного сообщества, рассматривающие историю концлагерей и их персонала в контексте гендерных исследований⁷. Преступления, совершенные женщинами, не отличались от тех, которые совершали их коллеги-мужчины. Однако восприятие и интерпретации этих деяний носят иной характер, поскольку с гендерной точки зрения акт жестокости, совершенный женщиной, является нарушением гендерно-обусловленных ожиданий в поведенческих моделях. По мнению представителей данного направления, женщины и в качестве заключенных, и в качестве надзирательниц в системе концлагерей играли маргинальную роль, т.к. концентрационные лагеря для женщин появились значительно позже, чем мужские, а реализация на практике «модели Дахау» потребовала больше времени. Под «моделью Дахау» понимается переход от норм пенитенциарного учреждения к стандартам жестокости, направленным на полное физическое и психологическое подавление личности заключенного. Во-вторых, вооруженная женщина, одетая в униформу, представляет собой противопоставление всему женскому, утрачивая женские ценности и характеристики, присущие ей во внелагерном окружении⁸.

Перспективной в изучении истории надзирательниц в концлагерях является история повседневности (*Alltagsgeschichte*), которая позволяет раскрыть рутинную работу лагерных надзирательниц на микроуровне. Историк Э. Козлов-Майнладер на примере мужского и женского

Oberaufseherin // Im Gefolge der SS. S. 59–71, *Schwartz J.* Handlungsoptionen von KZ-Aufseherinnen. Drei alltags- und geschlechtergeschichtliche biographische Fallstunden // NS-Täter aus interdisziplinärer Perspektive. München, 2006. P. 341–363.

⁶ *Dublon-Knebel I.* Erinnern kann ich mich nur an eine Frau Danz... S. 314.

⁷ *Caplan J.* Gender and the Concentration Camps // Concentration Camps in Nazi Germany: the New Histories. NY, 2010. P. 82–107, *Heschel S.* Does Atrocity have a Gender? Feminist Interpretations of Women in the SS // Lessons and Legacies. Vol. VI: New Currents in Holocaust Research. Evanston, 2004. P. 300–322.

⁸ *Caplan J.* Gender and the Concentration Camps // Concentration Camps in Nazi Germany: the New Histories. NY, 2010. P. 82–107.

надзирающего персонала лагеря Майданек обосновывает его чрезвычайную жестокость адаптацией норм и практик к тем условиям и социальному ландшафту, в которых последние оказались⁹.

Надзирательницы фигурируют в исследованиях, посвященных истории нацистских концентрационных лагерей. Отдельные аспекты темы разрабатывались немецкими историками П. Чиборра, А. Адам, И. Шпренгер, А. Рудорфф, Г. Хютт, Х. Элгер и М. Буггельн по лагерным отделениям Флоссенбурга¹⁰, Гросс-Розена¹¹, Бухенвальда¹² и Нейенгамме¹³, а также их польскими коллегами А. Ласика, М. Глинского, Й. Маршалека, И. Стржелецки по истории лагерей в Майданеке¹⁴, Освенциме¹⁵ и Штуттгофе¹⁶.

⁹ Koslov Mailänder E. Gewalt im Dienstalltag. Die SS-Aufseherinnen des Konzentrations- und Vernichtungslagers Majdanek. Hamburg, 2009. 524 S., Mailänder Koslov E. "Going East": Colonial Experiences and Practices of Violence among Female and Male Majdanek Camp Guards (194–44) // Journal of Genocide Research, 2008. 10(4). P. 563–582.

¹⁰ Cziborra P. KZ Oederan. Verlorene Jugend. Bielefeld, 2008. 151 S., Cziborra P. KZ Freiberg. Geheime Schwangerschaft. Bielefeld, 2008. 272 S., Cziborra P. KZ Zschopau. Sprung in die Freiheit. Bielefeld, 2007. 188 S., Cziborra P. KZ Wilischthal. Unter Hitlerauges Aufsicht. Bielefeld, 2007. 161 S., Cziborra P. KZ Venusberg. Der verschleppte Tod. Bielefeld, 2008. 264 S., Cziborra P. KZ Mehltheuer: Lippenstift statt Lebensmittel. Bielefeld, 2012. 148 S., Cziborra P. Frauen im KZ: Möglichkeiten und Grenzen der historischen Forschung am Beispiel des KZ Flossenbürg und seiner Außenlager. Bielefeld, 2010. 460 S., Cziborra P. KZ Gundelsdorf: Fischers Liste. Bielefeld, 2010. 264 S., Cziborra P. KZ Dresden Striesen: Das Familienlager Bernsdorf & Co. in der Schandauer Straße 68. Bielefeld, 2013. 276 S.

¹¹ Adam A. Die Arbeiterfrage soll mit Hilfe von KZ-Häftlingen gelöst werden: Zwangsarbeit in KZ-Außenlagern auf dem Gebiet der heutigen Tschechischen Republik. Berlin, 2013. 433 S., Rudorff A. „Der Unsinn und die Leere einer solchen Tätigkeit“ Rekrutierung und Arbeitsmotivation von Aufseherinnen in Groß-Rosener Außenlagern 1944/45 // Zentrum und Peripherie: Die Wahrnehmung der nationalsozialistischen Konzentrationslager. Berlin, 2013. S. 77–96, Rudorff A. Frauen in den Außenlagern des Konzentrationslagers Groß-Rosen. Berlin, 2014. 440 S., Sprenger I. Aufseherinnen in den Frauenaußenlagern des Konzentrationslager Groß-Rosen // Werkstatt Geschichte, 12. 1995. S. 21–33, Sprenger I. Gross-Rosen: ein Konzentrationslager in Schlesien. Köln, Weimar, Wien, 1996. 425 S.

¹² Hütt G. Das Aussenkommando des KZ Buchenwald in Duderstadt: ungarische Jüdinnen im Rüstungsbetrieb Polte. Norderstedt, 2005. 132 S., Szász Stessel Z. Snow Flowers. Hungarian Jewish Women in an Airplane Factory, Markkleberg, Germany. Rosemont Publishing and Printing Coop., 2009. 438 S.

¹³ Ellger H. Zwangsarbeit und weibliche Überlebensstrategien. Die Geschichte der Frauenaußenlager des Konzentrationslagers Neuengamme 1944/45. Berlin, 2007. 376 S.

¹⁴ Lasik A. Struktura Organizacyjna oraz obsada osobowa stanowisk kierowniczych w obozie koncentracyjnym na Majdanku w latach 1941–1944 // Zeszyty Majdanek, 2003. t. XXII. S. 121–196, Marszalek J. Majdanek. Oboz koncentracyjny w Lublinie. Warszawa, 1987. S. 36–47.

¹⁵ Lasik A. Historical-Sociological Profile of the Auschwitz SS // Anatomy of the Auschwitz Death Camp. Bloomington, 1994. P. 271–287, Lasik A. The Auschwitz SS Garrison. Women in the SS // Auschwitz 1940–1945: Central Issues in the History of the Camp. The Establishment and Organization of the Camp. Oświęcim, 2000. P. 282–290, Strzelecka I. Obóz kobiecey (Frauenlager) w KL Auschwitz-Birkenau (BIa, BIb) // Zeszyty oświęcimskie. 24. 2008. S. 7–110, Strzelecka I. Die Frauenabteilung im Stammlager // Hefte von Auschwitz. 20. 1997. S. 7–67.

¹⁶ Gliński M. Organizacja obozu koncentracyjnego Stutthof (7 stycznia 1942–25 stycznia 1945) // Stutthof. Zeszyty Museum. 3. 1979. S. 96–157, Gliński M. Organizacja i struktura obozu Stutthof // Stutthof. Hitlerowski oboz koncentracyjny. Warszawa, 1988. S. 79–104, Gliński M. Załoga Obozu Koncentracyjnego Stutthof (1 IX 1939–9 V 1945). Część I // Stutthof. Zeszyty Museum. Nr 5. 1984. S. 187–216; Gliński M. Załoga Obozu Koncentracyjnego Stutthof (1 IX 1939–9 V 1945). Część II // Stutthof. Zeszyty Museum. Nr 6. 1985. S. 97–120.

В многотомном издании, посвященном истории национал-социалистских концентрационных лагерей¹⁷ деятельность надзирательниц представлена неотъемлемой частью лагерной реальности. Подобная линия прослеживается в фундаментальной Энциклопедии лагерей и гетто Мемориального Музея Холокоста США, 1933–1945, содержащей переводы на английский язык статей, вышедших ранее на немецком языке в упомянутом выше многотомном издании¹⁸.

Важной вехой в историографии вопроса стало открытие 17 октября 2004 г. постоянной выставочной экспозиции «Сопровождение СС: надзирательницы женского концентрационного лагеря Равенсбрюк» («*Im Gefolge der SS: Aufseherinnen des Frauen-KZ Ravensbrück*») в одной из казарм, где были расквартированы надзирательницы лагеря Равенсбрюк в годы его существования. После открытия выставки был опубликован одноименный сборник эссе под редакцией бывшего директора Мемориального музея в Равенсбрюке З. Эрпель¹⁹. Издание фактически является продолжением выставки, отражая и углубляя представленные на ней темы. Статьи выстроены по тематическому принципу и позволяют осветить широкий круг вопросов, в том числе биографии ряда бывших надзирательниц Равенсбрюка, их досуг, имплицитно и эксплицитно выраженную лояльность режиму. Необходимо отметить, что работы по уголовному преследованию бывших надзирательниц занимают значительный объем данного сборника, который по настоящее время остается одним из наиболее полных по широкому кругу вопросов.

Судьба бывших надсмотрщиц после окончания Второй мировой войны – это отдельный вопрос, находящийся под пристальным вниманием исследователей. Он наиболее полно освещен в историографии, так как

¹⁷ Benz W., Distel B., Königseder A. Der Ort des Terrors: Geschichte des nationalsozialistischen Konzentrationslager. München, 2005–2009. Band 1–9.

¹⁸ The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia of Camps and Ghettos, 1933–1945. Vol. I. Bloomington, Indianapolis, 2009. 1728 S.

¹⁹ Im Gefolge der SS: Aufseherinnen des Frauen-KZ Ravensbrück / S. Erpel (Hrsg.). Berlin, 2007. 374 S.

литература, посвященная послевоенным судебным разбирательствам по делам бывших надзирательниц, обширна²⁰.

В отечественной историографии тема не нашла отражения. Наиболее полной работой по данной проблеме является монография уральского историка В.И. Мамяченкова²¹.

Формированию общей картины происходившего в Германии и в других государствах в годы нацистской диктатуры способствуют труды отечественных историков С.В. Артамошина, Б.И. Бессонова, А.И. Борозняка, В.А. Буханова, А.Ю. Ватлина, А.А. Галкина, А.М. Ермакова, Л.Н. Корневой, А.И. Патрушева, О.Ю. Пленкова и др.²²

²⁰ Coburger M. Ehemalige KZ-Aufseherinnen als Internierte und SMT-verurteilte Häftlinge im sowjetischen Speziallager Sachsenhausen (1945–1950) // Im Gefolge der SS. S. 142–159, Elling H., Krause U. Die Ravensbrück-Prozesse vor französischen Militärgerichten in Rastatt und Reutlingen // Informationen des Studienkreises Deutscher Widerstand 1933–1945, 37/38 (1993), S. 22–36, Eschebach I. Gespaltene Frauenbilder: Geschlechterdrataurgien im juristischen Diskurs ostdeutscher Gerichte // „Bestien“ und „Befehlsempfänger“: Frauen und Männer in NS-Prozessen nach 1945 / Herausgegeben U. Weckel und E. Wolfrum. Göttingen, 2003. S. 95–116, Heike I. Ehemalige KZ-Aufseherinnen in westdeutschen Strafverfahren // Schuldig. NS-Verbrechen vor deutschen Gerichten. Beiträge zur Geschichte der nationalsozialistischen Verfolgung in Norddeutschland. Heft 9. Bremen, 2005. S. 89–101, Kretzer A. She who violates the law of war... Hauptkriegsverbrecherinnen im Hamburger Ravensbrück-Prozess 1946/47 // Geschlechterverhältnisse in Krieg und Frieden. Perspektiven der feministischen Analyse internationaler Beziehungen. Opladen, 2002. P. 123–141, Kretzer A. NS-Täterschaft und Geschlecht Der erste britische Ravensbrück-Prozess 1946/47 in Hamburg. Berlin, 2009. 480 S., Lower W. Male and Female Holocaust Perpetrators and the East German Approach to Justice, 1949–1963 // Holocaust and Genocide Studies. 24. no. 1. Spring 2010. P. 56–84, Lasik A. SS-Aufseherinnen von polnischen Gerichten // Im Gefolge der SS. S. 160–169, Meyer K. „Die Frau ist der Frieden der Welt“. Von Nutzen und Lasten eines Weiblichkeitsstereotyps in Spruchkammerentscheidungen gegen Frauen // „Bestien“ und „Befehlsempfänger“: Frauen und Männer in NS-Prozessen nach 1945. Göttingen, 2003. P. 117–138, Rudorff A. Die Strafverfolgung von KZ-Aufseherinnen in Polen // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Jg. 61. Heft 4. Berlin, 2013. S. 329–350, Toussaint J. Österreichische Volksgerichtsverfahren gegen ehemalige SS-Aufseherinnen (1945–1950) // Im Gefolge der SS. S. 173–177, Wolfram L. Der Arado-Prozess Wittenberg 1949. Eines der letzten deutschen Gerichtsverfahren gegen ehemalige SS-Aufseherinnen in der Sowjetischen Besatzungszone // Im Gefolge der SS. S. 187–197.

²¹ Мамяченков В.И. Валькирии СС. Екатеринбург, 2014. 300 с.

²² Артамошин С.В. Идеиные истоки национал-социализма. Брянск, 2002. 184 с., Бессонов Б. И. Фашизм: идеология, политика. М., 1985. 279 с., Борозняк А.И. Жестокая память, Ватлин, А. Ю. Германия в XX веке: учебное пособие. М., 2002. 336 с., Галкин А.А. О фашизме—его сущности, корнях, признаках и формах проявления // Полис. 1995. № 2. С. 6–16, Ерин М.Е., Ермаков А.М. «Имперская трудовая повинность» в нацистской Германии (1933–1945). Ярославль, 1998. 196 с., Ермаков А. М. «Школа немецкой нации»: женская Служба труда в нацистской Германии. Ярославль, 2006. 259 с., Ермаков А. М. Союз немецких девушек в нацистской Германии. Ярославль, 2007. 226 с., Ермаков А. М. «Из благодарности фюреру, из любви к родине»: Нацистское женское движение в Германии (1921-1945 гг.). Ярославль, 2008. 258 с., Ермаков А. М. Воспитание девушек в нацистских трудовых лагерях // Вестник Костромского государственного университета. 2005. No 8. С. 44-48, Ермаков А. М. Корпус руководительниц в нацистской Службе труда // Вестник Костромского государственного университета. 2005. No9. С.42-46, Корнева Л.Н. Германская историография национал-социализма: проблемы исследования и тенденции современного развития (1985–2005 гг.). Дисс. ... д-ра. ист. наук. Кемерово, 2007. 430 с., Корнева Л.Н. Зловещий лик нацистского януса: историки ФРГ о системе концентрационных лагерей// Вестник Томского Государственного Университета. No 301. Август 2007. С. 50–53, Патрушев А.И. Германия в XX веке: учебное пособие. М., 2004. 432 с.

Цель исследования заключается в реконструкции социального и антропологического портрета надзирательниц концентрационных лагерей.

Цель исследования потребовала решения следующих задач:

- выявление специфики формирования института надзирательниц в концентрационных лагерях на основных этапах их функционирования, поступления на службу, обучения и распределения на различные участки службы;
- выяснение мотивирующих факторов, приводивших женщин на службу, их долагерного профессионального и личного опыта;
- определение роли женского персонала в рамках иерархии СС, возлагаемых на них обязанностей, а также внутренней организации;
- реконструкция численности, юридического и материального положения бывших надзирательниц, их социального, профессионального и возрастного состава;
- выявление жилищно-бытовых условий, а также условий труда как факторов, обуславливавших поведенческие модели лагерного персонала;
- наконец, установление правовой оценки деятельности надзирательниц в концентрационных лагерях, представленной решениями послевоенных трибуналов.

Объектом диссертационного исследования являются национал-социалистические концентрационные лагеря.

Предмет исследования – надзирательницы нацистских концлагерей.

Хронологические рамки работы охватывают период с 1938 по 1945 гг. Нижняя граница обуславливается открытием первого концентрационного лагеря для женщин в Лихтенбурге и появлением института надзирательниц в гарнизоне лагеря. Верхняя граница соответствует 1945 г., окончанию второй мировой войны, освобождению и ликвидации концентрационных лагерей. Однако предмет исследования побуждает к выходу за пределы обозначенной хронологической границы в главе III, посвященной уголовному преследованию надзирательниц в послевоенный период.

Территориальные рамки исследования обуславливаются географическим расположением концентрационных лагерей и их отделений как мѣста службы надзирательниц: Германия в границах середины 1939 г. (концентрационные лагеря Равенсбрюк, Флоссенбург, Берген-Бельзен, Нейенгамме, Маутхаузен и Терезиенштадт), а также оккупированные территории европейских государств, которые покрывала сеть концентрационных лагерей: Польша (Освенцим, Майданек, Гросс-Розен, Штуттгоф) и Голландия (Герцогенбуш).

Методологическую основу диссертационного исследования составляют разработки гендерных исследований, истории повседневности и микроистории, психологического реконструирования.

Среди используемых в процессе работы методов можно выделить сравнительный-исторический анализ, историко-системный подход, историко-хронологический, а также историко-описательный.

Источниковая база. Основу данного диссертационного исследования составляет комплекс материалов различной видовой принадлежности.

Первую группу источников формируют *законодательные акты* нацистского правительства 1930–1940-х гг. Например, декреты и законы, опубликованные в официальной периодической печати: Декрет президента республики о защите народа и государства от 28 февраля 1933 г.²³, Закон о порядке национального труда от 20 января 1934 г.²⁴, Закон о введении трудовых книжек от 26 февраля 1935 г.²⁵, Декрет об установлении восьмичасового рабочего дня от 30 апреля 1938 г.²⁶, Указ о всеохватывающей мобилизации мужчин и женщин на решение задач обороны Рейха от 27 января 1943 г.²⁷

Вторую группу образует значительный массив источников, представленный *делопроизводственной документацией*, созданной

²³ Deutsches Reichsgesetzblatt. 1933. Teil I. S. 83–85.

²⁴ Ibid. 1934. Teil I. S. 45.

²⁵ Ibid. 1935. Teil I. S. 311.

²⁶ Ibid. 1938. Teil I. S. 447.

²⁷ Ibid. 1943. Teil I. S. 67.

администрациями концентрационных лагерей. Под администрацией концлагерей помимо комендатур лагерей и их отделов, ведавших административными, хозяйственными, кадровыми и правовыми вопросами, понимаются также Инспекторат концентрационных лагерей и пришедшее ему на смену 1 февраля 1942 г. Главное Административно-Хозяйственное Управление (ВФХА). К данной группе источников относится текущий документооборот, регулирующий прием надзирательниц на службу, их служебные обязанности и увольнение: трудовые договоры, анкеты-опросники для кандидаток и их автобиографии; переписка о командировании, оформление пропусков и прочее. При подготовке диссертации использованы трофейные документы, оказавшиеся в распоряжении воинских частей, освобождавших концлагеря, в настоящее время хранящиеся в отечественных (Российский Государственный Военный Архив (РГВА)²⁸, Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ)²⁹ и зарубежных архивохранилищах (Бундесархив в Берлине³⁰, архивы мемориальных музеев на месте бывших концлагерей в Майданеке³¹ и Освенциме³²).

Неопубликованные судебные и следственные дела представляют самостоятельную группу и включают материалы предварительного следствия, протоколы свидетельских показаний и допросов подсудимых и очных ставок, обоснования государственного обвинителя. Особую значимость для данного исследования сыграли *протоколы допросов* бывших надзирательниц, представших перед военными трибуналами в качестве обвиняемых или свидетелей.

Следственные и судебные материалы формируют фонды центральных и региональных архивов, а также архивов мемориальных музеев, расположенных на территории бывших нацистских концентрационных

---

²⁸ РГВА. Ф. 1367к, Ф. 1372к.

²⁹ ГАРФ. Ф. Р7021.

³⁰ BArch Berlin. NS 4 Konzentrationalager.

³¹ АРММ. I.d. 32 Dokumentensammlung. Nr. 164 Kopiensammlung.

³² АРМАВ. D-Au-I, D-Au-II.

лагерей. Среди хранилищ, чьи фонды были использованы автором, отметим: Бундесархив в Берлине и Людвигсбурге, Архив Федерального уполномоченного по документации органов госбезопасности бывшей ГДР³³, архивы мемориальных музеев в Равенсбрюке и Нейенгамме в Германии; Центр Документации Австрийского Сопротивления³⁴ и Архив мемориального центра в Маутхаузене³⁵ в Австрии; Институт национальной памяти³⁶, Государственные архивы в Варшаве³⁷ и Кракове³⁸, а также архивы мемориальных музеев в Майданеке, Освенциме³⁹, Гросс-Розене и Штуттгофе в Польше; Государственные областные архивы в Замрске⁴⁰, Литомержице⁴¹, Писеке⁴² и Праге⁴³ в Чехии.

Дополняют данную группу источников *опубликованные материалы судебных процессов*. Практически полностью были опубликованы материалы Люнебургского процесса и Верховного Народного Трибунала в г. Кракове, рассматривавших дела персонала СС концлагерей Освенцим и Берген-Бельзен⁴⁴. Крайне незначительная часть опубликованных материалов Международного военного трибунала в Нюрнберге относится к деятельности надзирательниц и их набору⁴⁵.

Составители сборников документов в силу объективных причин ограничиваются резолютивной частью приговора и его обоснованием. Бывшим надзирательницам, как правило, отводится скромное место. К примеру, многотомное издание «Правосудие и преступления нацизма» (*Justiz und NS-Verbrechen*), насчитывающее в настоящее время 49 томов, а также 14-томное «Правосудие ГДР и преступления нацизма» (*DDR-Justiz und NS-*

³³ BStU. MfS-NA IX/11.

³⁴ DÖW. 50104.

³⁵ AMM. P/1/5.

³⁶ AIPN. GK 255.

³⁷ APW. Sąd Okręgowy w Warszawie (1945–1950).

³⁸ APK. Prokuratura Sądu Okręgowego w Krakowie (1945–1950).

³⁹ APMAB. Proces Załogi.

⁴⁰ SOAZ. Mimořádný lidový soud Jičín.

⁴¹ SOAL. Mimořádný lidový soud Liberec.

⁴² SOAPí. Okresni urad Pisek.

⁴³ SOAP. Mimořádný lidový soud Praha.

⁴⁴ Trial of Josef Kramer and forty-four others (The Belsen Trial) / ed. R. Phillips. London, Edinburgh, Glasgow, 1949; Cyprian T., Sawicki J. Siedem wyroków Najwyższego Trybunału Narodowego. Poznań, 1962.

⁴⁵ Trials of war criminals. Vol. I. Washington, 1950. P. 1182–1190.

Verbrechen) содержат тексты приговоров всего в отношении 11 женщин, служивших в качестве надзирательниц в концентрационных лагерях и впоследствии представших перед восточно- и западногерманским правосудием⁴⁶.

Источники личного происхождения представлены как опубликованными, так и оставшимися не известными широкой публике и не подвергавшимися серьезной аналитической обработке воспоминаниями бывших заключенных.

Из числа неопубликованных источников были использованы рукописи воспоминаний бывших заключенных, хранящиеся в Бундесархиве в Берлине⁴⁷.

Что касается опубликованных воспоминаний, принадлежавших перу недавних заключенных, то они публиковались, переводились на различные языки и переиздавались на протяжении всей второй половины XX века. Причем о женском персонале писали не только женщины, но и мужчины-заключенные, бывшие невольными свидетелями их деятельности в лагерях. Стоит упомянуть, например, бывших заключенных О. Когона (Бухенвальд), Х. Лангбейна (Освенцим), рисующих психологический портрет бывших эсэсовцев. Неоднократно взор Х. Лангбейна падает на женский персонал лагеря, а именно, получивших дурную славу И. Грезе и М. Мандль.

Среди женщин-заключенных, отразивших деятельность надзирательниц и их поведенческие модели в своих воспоминаниях, упомянем немку М. Бубер-Нойманн, Э. Бухман, Н. Херберманн и Ш. Мюллер, австриек М. Фритц и Г. Юрза, француженку Ж. Тильон, венгерку О. Ленгель, румынку Х. Фрид, полячек К. Живульскую, В. Кидержинскую и С.

---

⁴⁶ Law Reports; Trial of Josef Kramer; DDR-Justiz. Band II. S. 555–598; DDR-Justiz. Band III. S. 611–621; DDR-Justiz. Band IV. S. 55–60; DDR-Justiz. Band X. S. 267–278, DDR-Justiz. Band XLII. S. 779–822, DDR-Justiz. Band XLIV. S. 379–581

⁴⁷ BArch Berlin. DY 55/2, DY 55/3, DY 55/9, DY 55/12, DY 55/13, DY 55/14, DY 55/15, DY 55/16, DY 55/17, DY 55/1 и др.

Шмаглевскую. Все – заключенные концентрационных лагерей Равенсбрюк и Освенцим-Биркенау⁴⁸.

Воспоминания бывших эсэсовцев по очевидным причинам не столь многочисленны, однако имеют важное значение, поскольку позволяют комплексно обратиться к тем вопросам в управлении и к тем обстоятельствам лагерной действительности, о которых заключенные осведомлены не были. Из числа бывших надзирательниц можно упомянуть серию интервью для мемориальных музеев в Равенсбрюке, Нейенгамме и Берген-Бельзене⁴⁹, а также для ряда периодических изданий и публикаций⁵⁰.

В диссертационном исследовании использованы материалы *периодической печати*, освещавших в послевоенные годы и освещающие в настоящее время преследование бывших надзирательниц и судебные разбирательства, например, американские и английские *The New York Times*, *Daily Mirror*, *Daily Express*, *Washington Post*, *The London Times*, а также немецкий *Der Spiegel*.

Были привлечены *изобразительные источники* (фотографии), которые служат для иллюстрации и реконструкции повседневности надзирательниц, так как отражают реалии их быта, досуга и профессиональной деятельности.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что на основе ранее не опубликованных архивных материалов комплексно

⁴⁸ Живульская К. Я пережила Освенцим. М., 1960. 270 с., Они победили смерть. М., 1959. 251 с., Они победили смерть. М., 1961. 340 с., Они победили смерть. М., 1966. 542 с.; *Никифорова А.А.* Это не должно повториться. М., 1958. 185 с.; *Рольникайте М. Г.* Я должна рассказать. Л., 1976. 556 с., 1976, Фрид Х. Осколки одной жизни. Дорога в Освенцим и обратно. М., 1993. 224 с., Фритц М. Ад. 565 дней в Освенциме-Биркенау //Фритц М., Юрза Г. Да здравствует жизнь! М., 1988. 208 с., Шмаглевская С. Дым над Биркенау. М., 1960, Lengyl O. Five Chimneys: A Woman Survivor's True Story of Auschwitz. Chicago, 2005. 232 p., Buber-Neumann M. Under Two Dictators. London, 2009. 350 p., Herbermann N. The blessed abyss. Detroit, 2000. 280 p., *Kiedrzyńska W.* Ravensbrück kobiecy oboz koncentracyjny. Książka i Wiedza, 1961. 379 s., Müller Ch. Die Klempnerkolonne in Ravensbrück. Erinnerungen des Häftlings Nr. 10787. Berlin, 1990. 222 S., *Tillion G.* Frauenkonzentrationslager Ravensbrück. Lüneburg, 1998. 410 S.

⁴⁹ *Owings A.* Frauen: German Women Recall. New Brunswick, 1994. 494 p., *Toussaint J.* Tradierung von Entlastungslegenden. Interviews mit ehemaligen SS-Aufseherinnen und ihren Töchtern //Im Gefolge der SS. S. 316–328, Briefe und Interviewtranskripte Anna G. // ARA. P–SSA 50, Interview mit Frau A. vom 13.12.1984 // ANg. NG 7.3.

⁵⁰ *Alix C.* Guarding the Truth. February 26, 2006. [Электронный ресурс] URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/02/21/AR2006022101413.html> (дата обращения: 01.09.2014), *Klesmann M.* Öffentlich bedienstete Foltermägde // Berliner Zeitung. 19.10.2004 URL: <http://www.berliner-zeitung.de/archiv/aufseherinnen-im-kz---eine-ausstellung-inravensbrueck-zeigt-lebenswege-der-taeterinnen-oeffentlich-bedienstetefoltermagde> (28.08.2014).

реконструируется численность женского персонала концентрационных лагерей, социально-психологическая мотивация поступления на службу, структуры повседневности, иерархия, роль и участие в преступлениях против человечности, а также послевоенное уголовное преследование. С учетом накопленного современной историографией материала представляются и критически рассматриваются существующие теории, объясняющие в частности жестокость лагерного персонала по отношению к заключенным, преодолеваются превалирующие в историографии штампы, препятствующие целостному и объективному изучению вопроса.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты, полученные в процессе работы, могут быть использованы в музейно-выставочной работе, при разработке лекционных и специальных курсов по новейшей истории стран Европы и Америки, новейшей истории Германии, гендерной истории и истории женщин. В диссертации раскрываются новые аспекты историографии нацистских концентрационных лагерей, т.к. ранее надзирательницы не являлись предметом особого исследования.

Положения, выносимые на защиту.

1. Надзирательницы, несмотря на то, что являлись маргинальной группой в структуре лагерной комендатуры, выполняли важные социально-политические функции в рамках функционирования режима и несли ответственность за совершаемые в концлагерях преступления.

2. Число добровольно поступивших на службу в концлагерь женщин составляет порядка 10 %. Указанное меньшинство фактически формировало образ надзирательниц и, занимая руководящие посты в лагерной иерархии, эксплицитно и имплицитно определяло основные стратегии и поведенческие модели рядовых надзирательниц в отношении заключенных, что, в свою очередь, обуславливало выживаемость последних. Их поведение имело общие черты, характеризовавшиеся жестокостью и беспринципностью.

3. Абсолютное большинство надзирательниц оказалось в лагере в добровольно-принудительном порядке в результате командирования

отделами по вопросам труда и занятости (*Arbeitsamt*) и промышленными и военными предприятиями. В их рядах обнаруживается большее разнообразие и неоднородный спектр поведенческих реакций от жестокости до поддержки заключенных.

4. На протяжении всего времени существования концентрационных лагерей Равенсбрюк был центральным лагерем, осуществлявшим весь комплекс мероприятий по набору, обучению, обмундированию, размещению, материальному содержанию, а впоследствии командированию женщин надзирательниц.

5. Перевод концлагерей на экономические рельсы в 1942–1943 гг. не мог не сказаться на кадровой политике их руководства. Имеет место децентрализация в вопросах инструктажа надзирательниц с четко прослеживаемой территориальной привязкой, а также диверсификация основных методов и форм найма женщин на службу. Острая нехватка женского надзирающего персонала концлагерей препятствовала в полной мере использовать рабочую силу заключенных в промышленности, в том числе военной, и сельском хозяйстве нацистской Германии.

6. Необходимо констатировать факт, что за каждой надзирательницей оставалась свобода индивидуального выбора прибегать к жестокости в отношении заключенных или нет. Жестокость надзирательниц приобретала мотивированный и немотивированный характер, обусловленный объективными обстоятельствами концлагеря и особенностями возложенных обязанностей и круга ответственности. Нельзя игнорировать личностные характеристики женщин-надзирательниц в случае с жестокими реакциями, не связанными с нарушениями лагерного режима и распорядка со стороны заключенных.

Степень достоверности результатов подтверждается тем, что реконструкция социального, психологического и антропологического портрета надзирательниц концлагерей проводится на обширном и репрезентативном круге источников различной видовой принадлежности. В

ходе работы была привлечена сложившаяся теоретико-методологическая база современного гуманитарного знания. Анализ и интерпретация материала осуществлены в соответствии с современными достижениями исторической науки. Основные положения и выводы, сформулированные в исследовании, были апробированы и опубликованы.

Апробация результатов исследования. Отдельные положения исследования изложены в 5 статьях, в том числе в 3 статьях в ведущих и рецензируемых научных изданиях ВАК, освещены в ходе международных, всероссийских и региональных конференций в период с 2007 по 2016 гг.⁵¹

Структура диссертации напрямую определяется целями и задачами исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, приложений и списка сокращений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дана общая характеристика работы, ее актуальность и научно-практическая новизна, сформулированы задачи и методы, описан объект исследования, определены и обоснованы хронологические и территориальные рамки, классифицированы источники, представлена оценка степени научной разработанности темы.

В первой главе диссертации **Формирование социально-профессиональной группы надзирательниц СС** описывается формирование социальной группы надзирательниц концлагерей, связанных общностью профессиональной деятельности.

---

⁵¹ Международная научно-практическая конференция «Память о Холокосте: боль познания» (г. Екатеринбург, 7 мая 2007 г.), Региональная научная конференция «Чтения памяти профессора Б. А. Сутырина» (г. Екатеринбург, 1 октября 2013 г.), Всероссийская научная конференция «Возвращение в Европу: Российские центры изучения европейской истории нового и новейшего времени» (г. Екатеринбург, 31 октября–1 ноября 2013 г.), VI Всероссийская научная конференция студентов, аспирантов и соискателей «Мир истории: Новые горизонты. От источника к исследованию» (г. Екатеринбург, 30 ноября–1 декабря 2013 г.).

В первом параграфе **Численность надзирательниц в системе концентрационных лагерей** реконструируется численность надзирательниц, служивших в системе лагерей с мая 1939 по май 1945 гг. До настоящего времени число надзирательниц в концлагерях, фигурирующее в историографии, носит оценочный характер. В результате систематизации и обработки значительного объема архивных материалов установлено, что в указанной период были привлечены в качестве надзирательниц 4297 женщин. Автором принимается во внимание женский надзирающий персонал в периферийных лагерях, располагавших с осени 1944 г. значительной автономией, в том числе в вопросах найма и обучения надзирательниц.

Второй параграф **Женщины-добровольцы на службе в концентрационных лагерях (1938–1943)** охватывает период гендерной специализации и становления системы нацистских лагерей для содержания женщин. В мае 1939 г. на смену первым лагерям Морингену и Лихтенбургу, располагавшимся на площадях, ранее используемых в качестве пенитенциарных или воспитательных учреждений с ограниченной пропускной способностью, приходит стационарный лагерь «современного типа» Равенсбрюк. Последний помимо того, что был головным лагерем для содержания женщин-заключенных (*Frauenkonzentrationslager*), выполнял функции найма, инструктажа, обмундирования и дальнейшего командирования и распределения надзирательниц по лагерям или лагерным отделениям. В большинстве своем женщины поступали на службу в лагерь добровольно благодаря массивной информационной кампании в местных и центральных периодических изданиях.

Социально-возрастная и культурная составляющая портрета женского персонала представлялась гомогенной. Что касается их семейного положения, то большинство из них были не замужем. Другие формировали группу матерей-одиночек, имевших на иждивении одного или нескольких детей. Это были несчастные в личной сфере, униженные, утратившие

ориентиры в прежней, долагерной, жизни женщины. Их положение усугублялось перманентными сложностями финансового характера, так как до поступления на службу они были заняты неквалифицированным или низкоквалифицированным трудом. Эти факторы неизбежно приводили женщин к фрустрации и озлобленности, которые впоследствии компенсировали их комплексы и находили выход в агрессии в отношении заключенных.

Именно эти женщины формировали тот образ надзирательницы, который превалирует не только в историографии, но и в общественном представлении. Большинство из них, адаптировавшись к новым условиям труда и жизни, которые представляла служба в концентрационном лагере, оставались там практически до самого падения Третьего рейха. Из их числа администрация концлагерей назначала женщин на должности старших надзирательниц, командировала в лагеря уничтожения Освенцим и Майданек, от персонала которых требовалась особая лояльность режиму. Мария Мандль начала службу рядовой надзирательницей в Лихтенбурге, впоследствии была назначена старшей надзирательницей в Равенсбрюке, возглавляла женский лагерь в Освенциме-Биркенау, наконец, встретила капитуляцию Германии в лагерном отделении в Мюльдорфе. Имена коллег М. Мандль по Лихтенбургу и Равенсбрюку зачастую фигурируют в воспоминаниях бывших заключенных, а также послевоенных следственных и судебных материалах: Э. Циммер (Равенсбрюк, Освенцим), Д. Бернигау (Гросс-Розен), Д. Бинц (Равенсбрюк), М. Дрехслер (Равенсбрюк, Освенцим, Флоссенбург), Э. Эрих (Равенсбрюк, Майданек, Нейенгамме), Э. Хассе (Равенсбрюк, Освенцим), И. Грезе (Равенсбрюк, Освенцим, Берген-Бельзен), Х. Браунштайнер (Равенсбрюк, Майданек) и другие. Личностные характеристики этих женщин в значительной мере определяли психологическую атмосферу среди рядовых надзирательниц, оказавшихся в лагерях на волне массовой мобилизации, а также поведенческие модели последних и в конечном счете выживаемость заключенных.

Более половины надзирательниц, служивших в Освенциме, имели стаж 6 лет, поступив на службу в 1938 г. Они не были яркими сторонницами нацистского режима, ни антисемитками. Если в Лихтенбурге 31% надзирательниц являлись членами НСДАП, то в Равенсбрюке в последующие годы этот показатель едва достигал 4%. Тем не менее, на их поведенческие модели накладывал отпечаток как предшествующий жизненный опыт, обусловленный лишениями послевоенного периода, так и пропаганда нацистского режима.

Третий параграф **Надзирательницы концентрационных лагерей в период тотальной мобилизации** хронологически охватывает период 1943–1945 гг. Перевод лагерей на экономические рельсы сопровождался ростом контингента заключенных и расширением географии лагерей, в том числе лагерных отделений для женщин. В 1944 г. функции Равенсбрюка были децентрализованы: лагерь «потерял» более половины отделений, перешедших комендатурам головных лагерей исходя из принципа территориальной близости. Ранее из юрисдикции комендатуры лагеря было выведено руководство лагерными отделениями, находившимися на значительном удалении. Так, до 10 июня 1942 г. вопросы, связанные с заключенными-женщинами Освенцима, их размещением, обеспечением и трудоустройством, находились в ведении комендатуры Равенсбрюка.

В данный период на службе в лагерях оказались 2046 женщин. Возраст надзирательниц значительно помолодел и составлял 23–24 лет. Как и ранее среди них преобладали незамужние и бездетные женщины, для которых материальная мотивация (заработная плата, бесплатное обмундирование, хорошее питание и расквартирование) во все более ухудшающихся условиях военного времени играла существенную роль.

Эмоционально-психологическое состояние женщин, служивших в лагерях, усугубляется. Свою роль играют тяготы войны, разрушения городов и их собственных жилищ, лишения, гибель родных и близких, а также служба, обусловленная значительными физическими и эмоциональными

нагрузками. Женщины на данном этапе, как правило, не были оторваны от привычного им окружения, не находились в казарменных условиях лагеря; однако, сохранялся жесткий контроль со стороны администрации, регламентирующей их повседневную и профессиональную деятельность, вплоть до поведения, формы одежды и интимной сферы. Надзирательницы, в свою очередь, возлагали ответственность за собственные неудачи и эмоциональное перенапряжение на заключенных, выражая ее агрессивным и жестоким поведением.

Основные стратегии найма надзирательниц сводились к добровольно-принудительному командированию сотрудниц предприятий для надзора над заключенными, привлекаемыми в качестве рабочей силы. В качестве непосредственного инструмента использовались агитационные собрания в цехах предприятий с участием администрации предприятия и лагерей, а также надзирательниц. Правовая база основывалась на принятом 27 января 1943 г. «Указа о всеохватывающей мобилизации».

Четвертый параграф **Профессиональные требования и организация обучения женского персонала концлагерей** раскрывает содержательную сторону инструктажа надзирательниц, длившегося от нескольких дней до трех месяцев. Инструктаж состоял из теоретической и практической частей. Первая имела своей целью индоктринацию женщин в русле национал-социалистской идеологии. Вторая носила практическую направленность, что обуславливалось спецификой возлагаемых на надзирательниц обязанностей. Должностные обязанности надзирательниц не требовали специальных профессиональных навыков или личностных характеристик. Однако, служба сопровождалась значительными эмоциональными и физическими нагрузками, поэтому ограничения к кандидаткам сводились лишь по состоянию здоровья.

Вторая глава **Надзирательницы СС: опыт социально-психологической реконструкции** представляет надзирательниц концлагерей с точки зрения социальной и профессиональной группы с ее внутренней иерархией и непосредственным окружением.

Первый параграф **Иерархия в структуре лагерной администрации** описывает положение надзирательниц в лагерной иерархии. Надзирательницы в концлагерях относились к категории гражданских служащих, таким образом, их иерархия определялась не рангами, а сферами ответственности и выполняемыми служебными обязанностями. Непосредственное руководство женским персоналом осуществлялось группой во главе со старшей надзирательницей, чьи должностные обязанности не были четко определены, что вызывало столкновение интересов, а зачастую и открытые конфликты между надзирательницами и их коллегами мужчинами.

Во втором параграфе **Реконструкция повседневности: трудовая дисциплина, бытовые условия и условия труда** описывается полувоенизированный характер, который приобретают женские вспомогательные подразделения в Равенсбрюке и других лагерях. Рабочее время, досуг, уставные отношения и даже интимная сфера женщин регламентировались. Жестко соблюдались правила в использовании форменной одежды, поскольку вестиментарный код рассматривался не только в качестве действенного инструмента социальной стратификации, но и унификации по гендерному принципу в условиях, когда мужчины и женщины по долгу службы были вынуждены находиться в постоянном контакте. Жилищные и бытовые условия, а также досуг надзирательниц представляли собой антитезу тяжелым условиям труда. Руководство лагерей стремилось создать максимально комфортные, приближенные к условиям гражданской жизни, бытовые условия надзирательниц.

Повседневность надзирательниц в определенной мере определяла их поведенческие модели в отношении заключенных. Повседневность неотрывно была связана с профессиональной деятельностью в связи с расквартированием в непосредственной близости от концлагеря. Отсюда следует, что их жестокость коррелировала с назначением на тот или иной участок работ. В рабочих командах заключенных, требовавших

значительных физических усилий, проявления жестокости встречались объективно чаще.

В третьем параграфе **Роль надзирательниц в «окончательном решении еврейского вопроса»** речь идет о прямом или косвенном участии надзирательниц в отборе заключенных для уничтожения в газовых камерах. Надзирательницы не находились при гарнизонах центров уничтожения (*Vernichtungslager*), расположенных в генерал-губернаторстве (Бельжец, Собибор, Треблинка и Хелмно).

Надзирательницы служили в Освенциме и Майданеке, совмещавших функции концентрационного и лагеря уничтожения. С точки зрения профессиональной траектории, перевод в эти лагеря рассматривался администрацией и самими надзирательницами, скорее, в качестве меры дисциплинарного наказания за нарушения лагерного распорядка, например, кражу государственного имущества. Таким образом, морально-этические стандарты надзирательниц там были даже ниже, чем в лагерях на территории Германии. В кадровой политике оба лагеря отличала острая нехватка надзирающего персонала. Так, в Освенциме соотношение числа заключенных на одну надзирательницу в 1944 г. достигало 1:300.

Лагерный распорядок не предусматривал участие надзирательниц в процессе отбора заключенных (селекции). На рядовых надзирательниц возлагались обязанности по поддержанию порядка среди заключенных во время работы медицинских сотрудников лагерного гарнизона или офицеров комендатуры, ответственных за проведение селекции. Тем не менее, многочисленные воспоминания свидетельствуют о косвенном участии надзирательниц, которые по собственной инициативе указывали на тех заключенных, которые, по их мнению, были непригодны к работе. Непосредственно участвовали в селекциях надзирательницы, занимавшие руководящие посты в лагерной администрации.

В Равенсбрюке, где надзирательницы численно преобладали в гарнизоне, с введением в эксплуатацию газовой камеры в январе 1945 г. на

них фактически легли обязанности по отбору заключенных и их конвоированию до газовых камер.

Четвертый параграф **Социально-психологический портрет** раскрывает психологический аспект службы женщин в концлагере. В параграфе дается обзор концепций, представленных в работах В. Зофски, Х.С. Кельмана и др., и насколько эти концепции применимы для интерпретации поведенческих моделей, превалирующих среди надзирательниц. Жестокость надзирательниц в концлагерях, с одной стороны, является продуктом формальной рутинизации социальной и профессиональной деятельности. Последняя, в свою очередь, характеризуется дегуманизацией заключенных, что облегчает достижение «абсолютной власти» (термин В. Зофски), развязывающей руки непосредственным ее участникам. Во-вторых, жестокость в экстремальных условиях концентрационного лагеря, где она была санкционирована, представляет собой действенный атрибут власти, а также инструмент самоутверждения надзирательниц, чей культурный и образовательный уровень зачастую был ниже, чем у заключенных.

Сама жестокость является сложным конструктом в условиях концлагеря. Санкционированная жестокость надзирательниц проявлялась в физических наказаниях за нарушение заключенным установленного свода формальных и неформальных правил лагерного распорядка (наказание поркой, перевод в тюремный блок). Несанкционированная жестокость являлась результатом инициативы самих надзирательниц и имела более широкий спектр выражения (побои голыми руками, деревянными и резиновыми дубинками, рабочими инструментами и т.д.). Как санкционированная, так и несанкционированная жестокость имела мотивированный или немотивированный характер. Мотивированная жестокость обуславливалась объективными факторами, такими как невыполнение заключенными норм выработки, нарушение трудовой дисциплины или распорядка лагеря, чреватые мерами дисциплинарного

характера для самой надзирательницы, несшей ответственность за выполнение того или иного участка работ или поддержания дисциплины. Наконец, немотивированная жестокость обуславливалась целым спектром обстоятельств субъективного плана. К ним могут относиться личная неприязнь, психические девиации, а также банально дурное настроение, нежелание работать и так далее.

Были среди надзирательниц, нейтрально относившиеся к заключенным и добросовестно исполнявшие возложенные на них обязанности. Наконец, немногочисленную группу формировали надзирательницы, имплицитно или эксплицитно помогавшие заключенным и саботировавшие указания комендатуры.

Третья глава **Деятельность надзирательниц в решениях послевоенных трибуналов** разделена на три параграфа по хронологическому принципу. Первый параграф **Уголовное преследование бывших надзирательниц в первые послевоенные годы (1945–1949)**, как следует из его названия, охватывает первые послевоенные годы, на которые пришелся пик судебных разбирательств в том числе в отношении бывших надзирательниц. В Германии процессы были инициированы в каждой зоне оккупации. Юридической базой судебного преследования становились правовые акты и нормы национального законодательства, зачастую не только не соответствовавшего нормам международного права, но также требовавшие внесения соответствующих поправок в собственные процессуальные нормы. 20 декабря 1945 г. Контрольным Советом в Германии был принят Закон № 10 «О наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и против человечности», ставший наряду с Директивой № 38 Контрольного Совета от 12 января 1946 г. правовым инструментом, кодифицировавшим и унифицировавшим принципы судебного преследования нацистских преступников во всех четырех зонах оккупации. В целом судебные процессы в первые послевоенные годы вписывались в превалирующую в судебной практике

парадигму о патолого-идеологической интерпретации нацистских преступлений.

В эти годы перед военными трибуналами государств-союзников, а также народными трибуналами Польши и Чехословакии предстали порядка 10% бывших надзирательниц (400 человек).

В последующие десятилетия уголовное преследование надзирательниц пошло на спад. Данному периоду посвящен второй параграф третьей главы **Уголовное преследование бывших надзирательниц в 1950–1980-е гг.**

В 1950–1966 гг. в ГДР перед судом предстали 24 бывших надзирательницы, большинство из них в рамках так называемого «Вальдхаймерского процесса» (21 апреля–29 июня 1950 г.). Правовая база для преследования бывших нацистских преступников диверсифицировалась и охватывала помимо статьи 2 Декрета № 10 и статьи 2 Директивы № 38 Контрольного Совета также нормы национального законодательства, например ст. 211 Уголовного Кодекса ГДР «Убийство».

1 декабря 1958 г. было учреждено Центральное ведомство Управлений Юстиции земель ФРГ по расследованию национал-социалистских преступлений в г. Людвигсбурге, играющее решающую в вопросах преследования нацистских преступников вплоть до настоящего времени. Людвигсбург является своего рода аналогом Нюрнберга, однако его работу характеризует персонализация преступлений нацизма, их антропологическое и психологическое измерение. В стороне остаются патолого-идеологические доминанты в обосновании преступлений.

Крупнейшими процессами в рамках данного периода становятся Ростокский (25.07.–08.08.1966) в окружном суде г. Росток, а также самый долгий в послевоенной истории Дюссельдорфский процесс в земельном суде г. Дюссельдорфа (26.11.1975–30.06.1981). Первый рассматривал дела бывших надзирательниц Равенсбрюка, второй – персонала Майданека.

На современном этапе в отношении бывших надзирательниц наметились две тенденции. Одна часть женщин добровольно, исходя из

обстоятельств личного характера, раскрывает общественности факт их принадлежности к охранным отрядам концентрационных лагерей. Другие же хранят тайну, но вынуждены оставить свою размеренную и спокойную жизнь из-за вмешательства судебных органов. Именно об этом идет речь в третьем параграфе **Судьба бывших надзирательниц в наши дни (1990–2000-е гг.)**.

Продолжается активная работа историков, правоохранительных и судебных органов различных государств по выявлению и передаче правосудию бывших надзирательниц. Тем не менее, необходимо признать, что с каждым годом эта работа становится все сложнее и сложнее, поскольку все меньше остается свидетелей преступлений, да и физическое и умственное состояние самих обвиняемых и подсудимых не позволяет им без риска для здоровья, а зачастую и жизни предстать перед судом.

В **Заключении** обобщаются основные положения диссертации и сделаны выводы, которые отражают теоретическую и практическую значимость исследования.

Надзирательницы являлись неотъемлемой частью нацистского аппарата террора, несмотря на то, что занимали маргинальное положение в милитаризованной структуре охраны концлагерей. Численно мужчины-эсэсовцы превосходили надзирательниц практически во всех лагерях, где содержались женщины. Исключением, пожалуй, является Равенсбрюк, изначально созданный как лагерь для содержания противниц нацистского режима. Именно Равенсбрюк может служить в качестве модели при рассмотрении истории привлечения женщин для выполнения функций надзора.

Национал-социалистическому режиму удалось привлечь значительную массу женщин, добровольно поступавших на службу в концлагеря. Государственная служба, которой представлялась принадлежность к гарнизонам концлагерей, являлась гарантией определенного уровня достатка, доступ к которому иначе женщинам был практически закрыт. Более того, имплицитно служба в концлагере давала возможность материального

обогащения за счет кражи имущества, конфискованного у заключенных, и другой нелегальной деятельности. Однако, режим также нуждался в исполнительницах проводимой им политики. Так, неприемлемым условием привлечения принудительного труда заключенных на предприятия различных форм собственности являлось предоставление определенного числа сотрудниц для облечения их функциями надзирательниц.

Оказавшись в лагере, женщины, вчерашние конторские служащие, работницы, занимавшиеся низкоквалифицированным трудом, переживали трансформационные процессы, способствовавшие стиранию моральных и психологических ингибиторов. Ключевую роль в данной трансформации играли жилищно-бытовые условия, полувоенизированная структура, вестиментарный код, служебные предписания, социальный климат в гарнизоне. Тем не менее, существовала большая разница между правилами лагерного распорядка и практической деятельностью надзирательниц, имевших определенную свободу действий.

Основные положения диссертации отражены в следующих научных публикациях:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах, определенных ВАК:

1. Кудрин, Е.И. Надзирательницы концлагерей СС. К вопросу о состоянии источниковой базы исследования /Е.И. Кудрин // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3 (63). Т. 2. С. 85–90. 0,7 п.л.
2. Кудрин, Е.И. Политика британских оккупационных властей в отношении уголовного преследования нацистских преступников (1945–

1949): гендерный аспект вопроса /Е.И. Кудрин // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 2. С. 55–60. 0,7 п.л.

3. Кудрин, Е.И. Численность надзирательниц в нацистских концлагерях. Опыт реконструкции /Е.И. Кудрин // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. № 1 (148). С. 175–184. 1,2 п.л.

Статьи и тезисы в научных журналах, сборниках научных работ,
международных и всероссийских конференций

4. Кудрин, Е.И. Женские вспомогательные подразделения СС в нацистских концентрационных лагерях /Е.И. Кудрин // Память о холокосте: боль познания. Материалы Международной научно-практической конференции, 17 мая 2007. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2007. С. 21–35. 0,9 п.л.

5. Кудрин, Е.И. Женский персонал СС в нацистских концентрационных лагерях: историография вопроса /Е.И. Кудрин // Запад, Восток и Россия: Символы Власти и Власть Символа: Вопросы всеобщей истории: Сборник научных и учеб.-метод. трудов (Ежегодник). Вып. 15 / Под ред. проф. В. Н. Земцова. Екатеринбург: УрГПУ, 2013. С. 51–56. 0,3 п.л.